

М. А. Ключева

ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОЛЖСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА (ИГРОВАЯ ЛЕКСИКА)

В статье представлены тюркские заимствования в волжском говоре лугового наречия марийского языка. Тематическая группа, которой посвящена наша статья – игровая лексика: слова и игровые термины, встречающиеся в марийских народных играх (в процессе игры и в рассказах об играх). Исследование строится на материале публикаций, архивных и современных полевых записей. Полевые исследования последних лет показали, что в волжском говоре присутствует специфическая игровая лексика, не известная в других диалектах марийского языка и не зафиксированная в лингвистической и этнографической литературе. Также некоторые лексемы, хотя и встречаются в других диалектах (не всегда в игровых значениях), в волжском говоре фонетически специфичны. Цель данной статьи – представить эту лексику, ввести ее в научный оборот. В статье рассмотрено 10 игровых лексем такого рода: *капаш* ‘хватать’, *потак* ‘догонялки’, *паитенге* ‘догонялки’, *чок* ‘чураание в прятках’, *чонгырла* ‘в звон (обруч)’, *кыпчакла* ‘в куклы’, *пакляк* ‘игра в банку’, *козла-модышла* ‘в игру в бабки’, *чирака* ‘вид городков’, *мака-мака* ‘жмурки’. Как выяснилось, большая часть из них пришли в волжский говор марийского языка из татарского. Таким образом, тюркское влияние на марийскую игровую культуру и игровую лексику особенно активно в контактных зонах, в частности, в южных районах Республики Марий Эл, граничащих с Чувашией и Татарстаном, и волжский – наиболее насыщенный тюркизмами говор лугового наречия. При этом достаточно много соответствий в игровой лексике волжского говора и горного наречия марийского языка. В ходе анализа обнаружилось, что аналогичные лексемы – тюркские заимствования – присутствуют и в других финно-угорских языках: удмуртском, мордовских, коми, венгерском, а также в диалектах русского языка.

Ключевые слова: народные игры, игровая лексика, асемантическая лексика, Волго-Камский языковой союз, традиционная культура Урало-Поволжья, финно-угорские языки, тюркские языки, волжский говор марийского языка, луговое наречие марийского языка, русские диалекты

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-198-211

Известно, что в лексическом фонде марийского языка большое место занимают заимствования из тюркских языков. Чуваши, татары, башкиры являются давними соседями мари, эти народы и их предки оказали значительное влияние на материальную и духовную культуру мари и, конечно, язык. Тюркизмы в марийском языке получили систематическое освещение в фундаментальных словарях и работах, посвященных общей лексике т. н. Волго-Камского языкового союза [Räsänen 1920; Räsänen 1923; Ахметьянов 1981; Федотов 1996; ЭСТЯ; Исанбаев 1994; Ахметьянов 2015] и др. Часть тюркских заимствований можно считать общемарийскими. Вместе с тем в отдельных диалектах марийского языка встречаются тюркизмы, присущие только им. Так в говорах восточного наречия достаточно много специфических заимствований из татарского и башкирского, не известных в других диалектах марийского языка. В горномарийском и волжском диалектах, ареал которых находится в южной части Республики Марий Эл (РМЭ) по берегу Волги и граничит с Чувашией, присутствует немало специфических заимствований из чувашского. Наше исследование посвящено волжскому говору, который вместе с йошкар-олинским и моркинско-сернурским говором образуют луговое наречие марийского языка. Ареал волжского говора – территория современного Волжского, Звениговского и юго-западной части Моркинского р-на РМЭ; он представлен на следующей карте из [Грузов 1969, 47]:

Справочная информация о волжском говоре содержится в диалектологической литературе [Грузов 1965; Иванов 1981; Vereszki 1994] и др., а наиболее полное описание он получил в диссертации Г. И. Лаврентьева [Лаврентьев 1966]. К сожалению, нет отдельного словаря волжского диалекта лугового наречия марийского языка и основными опубликованными источниками по его лексике остаются издания Э. Беке [Beke 1997–2002; Beke 1957], см. также [Moisio, Saarinen 2008]. Небольшой аудиословарь волжского говора (стослов по Сводешу в современных записях 2015 г.) размещен на сайте ЛингвоДок [Норманская, Ключева 2016].

Рис. 1. Карта-схема распространения марийских диалектов

Тематическая группа, которой посвящена наша статья – это игровая лексика: слова и игровые термины, встречающиеся в марийских народных играх (в процессе игры и в рассказах об играх). Народные игры волжских мари относительно слабо представлены в литературе и архивных источниках. Весьма ценными являются записи венгерского лингвиста Э. Беке времен Первой мировой войны, среди информантов которого было три носителя волжского говора (Григорий Николаев из д. Большие Маламасы, Кузьма Кириллов из с. Именцы ныне Звениговского р-на и Игнатий Никитин из д. Кукшнур ныне Моркинского р-на РМЭ). От них Беке записал порядка 18 единиц марийского игрового фольклора (игры, игровые лексемы). На момент записи в 1916–1918 гг. возраст всех информантов Беке был от 21 до 40 лет. В небольшом объеме названия детских игр волжских мари встречаются в работах Ф. И. Гордеева, например, в [Гордеев 1982], единичны фиксации в марийской детской прессе (газете *Ямде лий* ‘Будь готов’) [МНИ, № 1397, 2075]. В Архиве Марийского научно-исследовательского института (МарНИИ, МарНИИЯЛИ) детский фольклор, описания некоторых игр волжских мари содержатся в ряде рукописей «Материалов фольклорных экспедиций» (шифры МФЭ-60 № 6, МФЭ-60 № 7, МФЭ-60 № 9, МФЭ-75 № 82, МФЭ-84 № 137, 138, 142, МФЭ-86 № 148, МФЭ-88 № 160, МФЭ-91 № 173) и в Научном рукописном фонде (НРФ, оп. 3, № 408, т. 2). Эти записи сделали в свое время фольклористы В. А. Акцорин, А. Е. Китиков, А. Ф. Степанов, А. С. Савельев, а также студенты-практиканты под руководством сотрудников МарНИИ. Хотя в 1990-е и 2000-е гг. вышло несколько книг, посвященных детскому фольклору мари, например, [Китиков 1993; Петухова 2004], в них отсутствует паспортизация материалов, и все описания игр даны в литературной обработке. В результате диалектный материал, если он там даже использовался, извлечь из этих изданий невозможно. В словаре В. М. Васильева «Марий Мутер» 1926 г. лексика луговых мари (в том числе игровая) также дана без дифференциации по говорам, хотя по специфической лексике в отдельных случаях волжские игры можно определить. Таковой, например, является игра *Шүжсер ленез* ‘Молочные кадки’ [Васильев 1926, 278; МНИ, № 1113], ср. волж. *шүжсер* ‘молоко’ ~ литер. и морк.-серн. *шөр* ‘то же’.

Таким образом, волжский диалект марийского языка и игровой фольклор волжских мари недостаточно изучен и представлен в публикациях. Для того, чтобы в какой-то мере восполнить этот пробел, мы занимаемся полевыми исследованиями – сбором марийских народных игр (не только волжских, но и других этнографических групп мари). Материалы, записанные до 2014 г., были опубликованы в [Ключева 2014] (первое издание в 2012 году). Записи последующих лет (аудиофайлы и стенограммы-расшифровки рассказов об играх) пока не опубликованы, но включены в двухтомный сборник материалов «Марийские народные игры», который готовится к изданию в МарНИИЯЛИ в рамках серии «Свода марийского фольклора» [МНИ 2016–2021].

Полевые исследования показали, что в волжском говоре присутствует специфическая игровая лексика, не известная в других диалектах марийского языка и не зафиксированная в лингвистической и этнографической литературе. Также некоторые лексемы, хотя и известны в других диалектах (не всегда в игровых значениях), имеют своеобразный фонетический облик, свойственный именно волжскому говору. Наведение этимологических справок показало, что в большинстве своем специфическая игровая лексика в волжском говоре – это тюркские заимствования. Цель данной статьи – представить эту лексику, ввести ее в научный оборот. Дальнейшее изложение в статье представляет собой рассмотрение 10-ти игровых лексем такого рода (в волжском диалекте): *капаш* ‘хватать’, *потак* ‘догонялки’, *паштенге* ‘догонялки’, *чок* ‘чураание в прятках’, *чонгырла* ‘в звон (обруч)’, *кыпчакла* ‘в куклы’, *пакляк* ‘игра в банку’, *козла-модышла* ‘в игру в бабки’, *чирака* ‘вид городков’, *мака-мака* ‘жмурки’.

1. **Капаш** ‘ловить’. Это слово информанты 1958 и 1961 г.р. из с/п Обшияры (д. Полевая ~ мар. *Нурсола*) Волжского р-на использовали, описывая игру в лапту, когда речь шла о ловле мяча:

Ондакше модына ыле. Лапту модат та. [Соб.: Кузе модыт?]. Лапту ден? Тыгай тоя, шогалат, колдет мячикетым. Вара коргожот. Лопшалат мячикым. Вэсыже если кáпа гын, то. Кáпа гын, вара тодо можым, порат огыл мо мэнгеи? Лапту. Тиге черет тен шолгат нбога-шамыч. Йкте мячикым тиге шуа. Вэсе уже – кок команде вет. И вара лопшалеи мячикетым. Если тошто капат гын, вара ваиталдылыт. Уке гын, вара коргожот тиге [тидыже]. [Соб.: А мо тыгай «капаш»?] Ну, кочаш. Кочаш огыл, а мо, кузе маным. [Долгов Е.: свечки маналдеш. Погена – свечки маным погена рушла]. Вот. Если ок кочеп гын, вара коргожот. Коргожот та мэнгеи толыт, огыл мо? Вот тиге. [Долгов Е.: Кругыш савурнымла]. Вара вэс черетыш тиге. Эркин-эркын.

‘Раньше (мы) играли. В лапту играешь да. [Соб.: Как играют?]. В лапту? Такая палка, встаешь, подаешь (букв. пускаешь) мячик. Потом бегут. Ударяешь мячик [палкой]. Другой, если поймает, то. Если поймает, то потом он это, возвращаются обратно не так ли? [т. е. команда ловивших мяч идет подавать мяч]. Лапта. Так в ряд стоят дети. Один мячик так бросает. Другой уже – две команды ведь. И потом бьет этот мячик. Если там поймают, то меняются. Если нет, потом бегут этот [те, кто били мяч]. [Соб.: Что такое капаш?]. Ну, поймать [мячик]. Не поймать, а, как говорят? [Долгов Е.: «Свечкой» называется. Поймаем – свечку, говорят, ловим, по-русски]. Вот. А если не поймают [ловцы] – то [те, кто били мяч] потом бегут [через все поле к дальней черте]. Бегут и обратно возвращаются, не так ли? Вот так. [Долгов: надо в круг обернуться]. [А ловцы во время перебежки стараются выбить кого-нибудь из бегущих мячом]. Потом в новом коне так же. Мало-помалу’.

(Зап. в июне 2016 г., инф. Алексеев Олег Андреевич, 1961 г.р., Долгов Евгений, 1958 г.р.) [МНИ, № 1327].

Слово *капаш* ‘ловить’ не встречается в имеющихся словарях марийского языка. Судя по формам этого слова в тексте выше (*капа* ‘поймать-NPST.3SG’, *капат* ‘поймать-NPST.3PL’), оно относится ко 2-му спряжению, что характерно для тюркских заимствований в марийском языке. Этимология – очевидно тюркская, от основы *қап-* ‘ловить, хватать’ [ЭСТЯ 1997, вып. 5, 264]. В марийский (волжский диалект) слово, видимо, попало из татарского (в чувашском эта основа имеет вид *хып-*)¹.

2. **Потак** – асемантическое слово-возглас водящего в игре в догонялки, когда он нагоняет и задевает одного из убегающих игроков; *потакла модаш* ‘играть в догонялки’ (с/п Обшияры Волжского р-на):

Потак. Вот тиге логалдышым тыландá – всё, потакым нушым, и мый коргожам, тый вадитлет. Тый мый дечым уже тиге тыгай, вэсым уже поктылат. Потак манына ыле.

‘Вот так вас задел – всё, отдал потак, и я бегу, ты водишь. Ты от меня уже это так, другого ловишь. Мы говорили «потак»’.

(Зап. в 2016 г., инф. Долгов Евгений, 1958 г.р.) [МНИ, № 1014].

Слово *потак* (ударение нестабильное) отсутствует в марийских словарях. Этимология – от чув. *патак* ‘палка’. Наблюдаемый переход *a > o* в первом слоге (чув. *патак* > мар. *потак*) является закономерным при заимствованиях в марийский (луговой) из тюркских языков, ср. чув. *валак* ‘желоб’ > мар. *волак* ‘то же’, чув. *кавус* или тат. диал. *кавыз* ‘кауз (помещение для водяного колеса на мельнице)’ > мар. *ковыз* ‘то же’. В чувашском в свою очередь *патак* ‘палка’ является заимствованием из др.-рус. *батогъ* ‘палка, дубинка’ [Федотов 1996, вып. 1, 390]². Этот возглас (чув. *патак* > мар. *потак*)

¹ Благодарим тюрколога А. В. Савельева за консультацию по поводу этимологии этого слова.

² Ср. аналогичное заимствование в финском – *раати, раатоо* ‘прут, розга, палка’.

мог появиться в игре типа догонялок, если изначально удар водящий наносил палкой, а не рукой. Но вероятнее, он вошел в догонялки из смежной игры типа прятков с палочкой или из игры в чижа. Действительно, в чувашском фольклоре фиксируется игра *патакла* 'название игры в чижа' [Ашмарин 1999, Т. 9, 129]. Таким образом, марийская волжская игра типа догонялок на уровне лексики (возглас *потак*) связана с некоторыми чувашскими играми³.

Заметим, что использование в игре слова со значением «палка» совсем не означает обязательного присутствия в игре самой палки как реального предмета. Ср. в игре с мячом *В яйцо* «палкой» называется штрафное очко при ошибке, получаемое вратарем за пропущенный в ворота гол. Играют «до трех палок», после чего проигравший «носит яйца», т. е. мяч между ног (с. Нёнокса Архангельской обл., зап. в 2001 г.) [Ключева 2014, 158]. Типичны также чурания в прятках с упоминанием палки, даже если игра происходит без палки [Ключева 2022а], например, *пали-стукали* в Восточной Украине, Таганроге, Бресте, *пали-я* в Белгороде и др. [Ключева 2014, 81].

3. *Паитэнге* 'последний' – возглас водящего в игре в догонялки, когда он заденет кого-нибудь из убегающих игроков, передавая ему свою роль (д. Малые Параты (мар. *Чодраял*) Волжского р-на). Отсюда и название игры – *паитэнгыла* 'в догонялки (букв. в последнего)' [Ключева 2014, 99; МНИ, № 1035].

В [СМЯ 2000, Т. 5, 59] *паитенге* 'последний' маркируется как диалектное, большинство ссылок в картотеке СМЯ указывает на волжский говор (Волжский и Звениговский р-ны). Однако слово *паитенге* встречается также в произведениях писателей-уроженцев д. Старое Крещено Оршанского р-на РМЭ: М. Шкетана, Ф. Майорова, А. Волкова (йошкар-олинский говор мар. Л) и уроженцев Моркинского р-на: Г. Ефруша, М. Казакова (д. Кутюк-Кинер, Макаркино – ареал морк.-серн. говора мар. Л). В словаре Беке содержится указание только на волжский говор (д. Кукшнур, Большие Маламасы, Исменцы) [Веке 2000, Т. IV₆, 1777].

Что касается этимологии, не следует путать *паитенге* с мар. Л *поитек* 'следом' ~ мар. СЗ, мар. Г *паитек*, которые являются производными от исконного мар. *поч* ~ *пач* 'хвост' [UEW 1988, 353]. Марийское волжское *паитенге* происходит от тат. диал. *баитангы* 'предварительный, начальный' (~ литер. тат. *баитыгы* 'начальный, первоначальный, первый; исходный', *баита(н)* 'сначала, сперва') [TRC 2002, 53]. Исходная основа – ОТю *баи* 'голова' [ЭСТЯ 1978, вып. 2, 85–88]. Там же в ЭСТЯ отмечена «типологическая константа – слово голова, – которая в разных языках может быть источником полярных значений 'начинать' и 'кончать'». В рамках этой константы развивается и значение марийского слова: в татарском значение «начальный», в марийском – «последний».

Интересно, что у данного названия игры в догонялки (мар. волж. *паитенгыла*) имеются многочисленные соответствия в играх русских, русскоязычных детей на Урале, которые восходят к тюркскому субстрату. Ср. *баи* – возглас чурания в детской игре *В баши* (*башики*) – детская игра в пятнашки, сопровождаемая возгласом «баш». «Я тебе сказал: баш, что не хватаешь? – Да, как же! Сказал баш, а рукой не задел? Баш! Когда отдашь!» (Красноуфимский у. Пермской губ., Пермская губ., фиксации 1856, 1898, 1930 гг.) [СРНГ 1966, вып. 2, 163–163]. Аналогичные приговорки-чурания в современных записях: *баи* (Челябинск), *баши-баши* (Курган), названия игр типа догонялки *баи́лки*, *баши* (Челябинск), *ба́ши*, *баши́*, *башики* (Пермский край, Башкирия, Челябинская обл., Курган) [Ключева 2014, 97]. Отсюда *баиить* – то же что и водить (Челябинская обл.) [Ключева 2014, 78]; *забаиить*, *отбаиить*, *отбаиаться* 'закурать (в прятках)' (Курган, Челябинск) [Ключева 2014, 82]; *баиить*, *забаиить* (Челябинск) – в играх с преследованием задеть, попасть, например, в игре *В банку* – задеть палкой (действие водящего, «галящего»). «Я тебя забашил; теперь ты галишь» [Ключева 2014, 170].

4. Чок

Чурание *чок* 'чур' зафиксировано в игре *шилмыла* 'в прятки' (д. Малые Параты Волжского р-на, зап. в июне 2001 г., инф. 1927 г. р.) [Ключева 2014, 84; МНИ, № 824]. Известно оно и горным мари (д. Юнга Кушерга Горномарийского р-на Марийской АССР) [Гордеев 1982, 92; МНИ, № 825]. Формула чурания в волжской фиксации – (*Анук*) *чок*, а действие чурания там выражается глаголом *чо́клаш*, *чоклен опташ*.

Сопоставимое чурание *чук* (*чук*, *чух?*) встречается в татарских играх с палками: когда водящий устанавливает на место сбитуго другим игроком деревяшку, он говорит *чук* (по нашим несистемати-

³ Возможна, но не ясна связь волжского *потак* с мар. В *котак* – мар. В кукморское 'последний, последним' (д. Старая Кня (мар. *Тошто Кына*) Кукморского р-на Татарстана): *куржмаиште тудо котак то́льо* 'в беге он пришел последним' [Вершинин 2011, 202].

зированным данным, требующим уточнения). При этом у восточных (мензелинских) мари *чү'к*⁴ — биток, кусок дерева, а *чү'кла* ‘в чук’ — название игры, где игроки, бросая палки, сбивают деревяшку (*чү'к*) со вбитого в землю кола:

Чү'кла мо-дыт, ло-мбо тойа-м кыре-н кода-т, ве-сывлак городки- гай тойа- де-не лүйа-т, кө пе-рвый толе-шат, чү'кым пыжыкта-, чү'к оз'а- лийе-ш, ве-се вёзлётка-.

‘Играют в *чү'к*, забивают черемуховую палочку, другие бьют, кинув, битой как при игре в городки, кто первым придет, тот ставит *чү'к*, становится хозяином *чү'к*'а, другой бежит’ (д. Мари-Буляр Муслумовского р-на Республики Татарстан) [Вершинин 2011, 681; МНИ, № 1403].

Игра в монеты с названием *чук* зафиксирована в д. Нуръял Моркинского р-на (ареал морк.-серн. говора мар. Л): «Игрок собирает все монеты в ладони, сложенные лодочкой, и трясет их, после чего бросает на пол. Все монеты, упавшие орлами, забирает себе. Потом подбирает монеты по одной (как правило, начиная с самых дорогих) и бросает в землю. Если монета перевернется орлом – забирает себе, если решкой – переход хода» (зап. в 2010 г., инф. 1988 г.р.) [Ключева 2014, 188; МНИ, № 1521].

Версии этимологии игровой лексемы *чук* подробно рассмотрены в [Ключева 2022а: 141–143]. Здесь же ограничимся выводом, что наиболее логично считать мар. чурание в играх *чок* и тат. *çük*, к которому восходит марийское слово, сокращенным наименованием молота — тат. *чүкеч* (> мар. В *чөкыс*, литер. *чөгыт*). Молот в игре как эквивалент палки, орудие стука. Тат. *чүкеч* ~ перс. *чекуш* [Исанбаев 1994, 181]. Именно наименования палки, в том числе в сокращенном, искаженном, асемантизированном и пересемантизированном виде, характерны для чураний в прятках, ср. в русском игровом фольклоре чурания *палы-выры*, *пол-выры*, *пара-выра* и т. п. (в Москве и Московской области) < *палочка-выручалочка* [Ключева 2014, 81–82].

5. **Чонгырла** ‘В звон (обод, обруч)’ (д. Малые Параты) – игра с железным колесиком (*чынгырорава*), точнее ободом колесика, которое надевают на железную палку или проволоку (*чынгыркүртнө*). Колесико катится с шумом, за ним бегут (зап. в июне 2001 г., инф. 1948 г.р.) [Ключева 2014, 331; МНИ, № 2275]. Аналогичная игра с названием *Цынгырла* известна горным мари (д. Сарлатово, зап. в январе 2003 г, инф. 1948 г.р.), см. там же; а в д. Новая (Усола) Моркинского р-на МАССР фиксируется название игры *Чыр-чыр орава* ‘Дребезжащее колесо’ [МНИ, № 837].

По словам обоих информантов, *чонгыр* (~ мар. Г *цынгыр*) – это звукоподражательное слово, выражающее дребезжание колеса. Действительно, ср. о звоне монет мар. В *чонгыр* (калтасинское, д. Старый Орьебаш) ~ йошкар-олинское *цонгыр* (д. Туршемучаш) [Веке 2001, Т. IV₉, 3153], мар. Г *цынгыр*, *цынгыри-цонгыри*, *цонгыр* ‘о звоне металлических предметов’ [Саваткова 2008, 317, 319], литер. *чон-чон* ‘подражание звуку кузнечного молота’, *чонгыртаташ* (мар. Г *цонгыртаташ*) ‘звенеть, издавать металлический звук’ [СМЯ 2003, Т. 8, 400, 397]. Вместе с тем, учитывая, что основной предмет игры – железный обод от колеса, не исключено, что данное звукоподражание связано с тат. диал. *чамбар* ‘обруч’ [БДСТЯ 2009, 737] ~ *чамбар*, *цамбар*, *цамбер*, *цымгар* ‘ободок; ободья бочек’, которое в свою очередь в тюркских из персидского *чәнбәр*, *чәмбәр* [Ахметьянов 2015, Т. 2, 422]. Ср. в литер. мар. языке обруч – *шүдыш* ~ мар. Г *шөдыш*, обод – *тогым* < тат. литер. *тугым*. Формант *орава* ‘колесо’ в *чынгырорава* (~ мар. Г *кёртницарава*) также тюркизм, ср. чув. *урапа* ‘телега, колесо’, тат. *арба* ‘телега’ [Федотов 1996, вып. 2, 184]. Формант *күртнө* ‘железо’ в *чынгыркүртнө* – исконное финно-угорское слово, от ФП **kärtz* ‘железо’ [UEW 1988, 653].

6. **Кыпчак** ‘кукла’ [?].

Кыпчак дене модаш ‘играть в куклы’ (д. Малые Параты): «Одевание кукол по канонам народного костюма. Обувь – лапти с онучами. Особенно были популярны кукольные свадьбы с пением свадебных песен» (зап. в июне 2001 г., инф. 1927 г.р.) [Ключева 2014, 331; МНИ, № 2178]. Интересно, что вместо литер. *курчак* ‘кукла’ (~ волж. *корчак* [Веке 1998, Т. IV₄, 1052]) информант использует несловарное *кыпчак*, которое, видимо, восходит к тат. *көпчәк* ‘колесо’ [Ахметьянов 2015, Т. 1, 452] < ОТю *көпчек* ‘ступица колеса’ [ЭСТЯ 1997, вып. 5, 116], ср. чув. *көпчек* ‘ступица’. Вероятно, развитие семантики шло следующим образом: колесо (как игрушка) > игрушка (любая) > кукла. Данная уникальная (единственная) фиксация лексемы и игры нуждается в дополнительной верификации.

7. Пакляк

Игра **Пакляк** (с. Исменцы Звениговского р-на) заключается в следующем: «В землю вбивается доска, а на нее ставится банка. Водящий стоит около банки, а остальные игроки – за чертой на некотором расстоянии от доски. Они по очереди бросают свои палки в банку, стараясь сбить ее с доски. Кто

⁴ Такая орфография в источнике (*чү'к*) отражает звук, промежуточный между у и ү.

попадет, бегут к своим палкам, а тем временем водящий кидает в перебежчиков мячом (как в лапте). Если попадет, задетый мячом сменяет водящего. Водящий не имеет права бросать мяч в игрока, уже стоящего на своей палке» (зап. в 2002 г., инф. около 1991 г.р.) [Ключева 2014, 178; МНИ, № 1414].

Пакляк в словаре переводится как ‘бабка, надкопытный сустав ноги у животных’ [СМЯ 2000, Т. 5, 19], то же *пакал* ‘щетка (у лошади)’ [Васильев 1926, 152], диал. *пакал* ‘щиколотка, лодыжка, путовая кость (у лошади)’ [СМЯ 2000, Т. 5, 18], мар. В *паклака*, *пакляка* ‘сустав (лодыжка, кость запястья)’ (в Бирском у. Уфимской губ.) [Веке 2000, Т. IV₆, 1754], *пакла́ка* = *панга*⁵ (д. Большая Тавра Красноуфимского округа Свердловской обл.) [Картотека СМЯ]. В зафиксированной игре словом *пакляк* называют не кость, а сбиваемую банку. Следовательно, прежде сбивали кость, которую в дальнейшем сменила деревянная чурочка, а затем и жестяная (или пластиковая) банка. Ср. у восточных мари (д. Мещерево Шаранского р-на Республики Башкортостан) зафиксировано *пакал* в игровом значении (как название игры в кости) [МНИ, № 1497].

В мари́йском языке *пакляк* ~ *пакал* соответствует тат. *бәкәл*, чув. *пакълчак* ‘щиколотка, лодыжка’ ~ ОТю *bäkäl* ‘козон, надкопытная косточка’ и др. смежные значения, булг. **bakaj* [ЭСТЯ 1978, вып. 2, 43–45]. Источником волжского *пакляк*, по-видимому, является чувашская форма. Имеются соответствия и в других финно-угорских языках: морд. М *пакарь* ‘кость’, коми *баку* ‘лодыжка у (коровы), ‘путовая кость у коровы или быка, служащая игрушкой для детей’, ‘детская игрушка из птичьей кости’ [Лыткин, Гуляев 1999, 36], коми *бака* ‘игра в кости’ [Рассыхаев 2002, 98], удм. *бакал* ‘щиколотка, лодыжка, путовая кость (лошади)’, удм. *бака* ‘то же’, ‘стрелка под копытами у лошади’ [РУС], венг. *baka* [ЭСТЯ 1978, вып. 2, 45]⁶.

Некоторое пояснение следует привести в связи со значением коми лексемы *баку* ‘детская игрушка из птичьей кости’ (вместо лодыжки). По-видимому, это связано со спецификой определенной традиционной костяной игрушки: лошадь и повозка делаются из скелета птицы (курицы), а в «санях» усаживаются «человечки»-лодыжки. См. рис 1. – аналогичная русская вятская игрушка⁷.

Рис. 2. Вятские игрушки

Название одной кости (лодыжки) могло перейти на смежный предмет – кость птицы (?).

8. *Козла-модышла*

⁵ Мар. *панга* ‘комочек, палочка, костяшка, шар, рюха и др.’ [СМЯ 1992, Т. 5, 32–33].

⁶ В русских диалектах интересно одно из названий игры типа пыжа – *Пекарь* [Ключева 2014, 165], предельно близкое к мордовскому *пакарь* ‘кость’. Лексема *пекарь* как название игры не зафиксировано в этнографических источниках XIX века, отсутствует в СРНГ. По современным данным, территория распространения названия игры *Пекарь* достаточна широкая: Коми, Вологда, Нижний Новгород, Киев, Луганская область, Днепропетровск, Донецк, Краснодар, Минск, Смоленск, Орел, Владивосток, Лесозаводск Приморского края, Подмосковье, Санкт-Петербург.

⁷ Данное изображение было найдено в интернете в социальной сети LiveJournal в записи, посвященной выставке глиняной игрушки «Интурмаркет-2013» (Москва) – <http://mikhailjonokk.livejournal.com/313612.html?view=1396748#t1396748> (дата публикации 9.03.2013). Однако в настоящее время изображение по данной ссылке недоступно.

Козла́-модышла ‘в игру козла́ (бабки, козны)’ (д. Малые Параты Волжского р-на): «Игра с костями (бараньими или козьими лодыжками), которые и называются *козла́*. Два игрока расставляют их на столе в два ряда напротив друг друга. Затем по очереди, щелчком по своим косточкам стараются выбить ими кости из ряда противника. Выбитая чужая кость ставилась в свой ряд» (зап. в 2012 г., инф. 1948 г.р.) [Ключева 2014, 185; МНИ, № 1496].

Лексему *козла* следует рассматривать в ряду со следующими марийскими названиями играль-ных костей (лодыжек) и игр с ними: *козна-лу* ‘кости-бабки’ (о свиных лодыжках) [Васильев 1926, 70], *козна́* ‘бабки (игра)’, *кознала модаш* ‘играть в бабки’ *козналу́* анат. бабка; надкопытный сустав ноги у животных, употребляется для игры [СМЯ 1992, Т. 2, 373] (формант *лу* – мар. ‘кость’), мар. В *козна* ‘козны, козон, козлок, альчик, бабка’ [Вершинин 2011, 184], *козна* ‘игра в кости’ (Морки, Упша, Яранск) [Moisio, Saarinen 2008, 270].

Аналогичные игровые лексемы бытуют во всех финно-угорских и тюркских языках Поволжья, например: удм. *казна, козан* [Долганова, Морозов 2002, 108, 113], морд. Э *кознасo* ‘в козны’ [Брыжинский 2009, 52], чув. *кусна* ‘бабка, козон’, *кусналла* ‘в козны’ [Ашмарин 1999, Т. 7, 21]), тат. *кузна*, тат. диал. *гузника* ‘игра в альчики; козонки’ [Ахметьянов 2015, Т. 1, 462]. Подобная лексика (названия играль-ных костей) широко распространена в русских диалектах, см. *козонки, козны, казанки, казны, ко́зни, ко́зон, козанок, козонок, ко́зен, козён, козень, козёнка, козенок, козён, казаночки, козеньё, козёнья, козёй, козёйка* и т. п. [СРНГ 1977, вып. 12, 320–321; СРНГ 1978, вып. 14, 57–73].

По Н. И. Исанбаеву, марийское *козна* происходит от тат. *кузна* [Исанбаев 1994, 77], то же в [Moisio, Saarinen 2008, 270]. При этом татарское *кузна*, по мнению Р. Г. Ахметьянова, является заимствованием из русского; в русском языке в свою очередь *козон* восходит к тюрк. *қозу, қозугана* ‘ягненок’ (~ тат. *кузый* ‘то же’) [Ахметьянов 2015, Т. 1, 462–463]. Но в [ЭСТЯ 1997, вып. 5, 107–108] в словарной статье *кузы* ‘ягненок’ подобные сведения отсутствуют, этимология ОТю *кузы* также не установлена. Из личной беседы и переписки с А. В. Дыбо нам известна ее гипотеза об источнике тат. *кузна* ~ рус. диал. *козон, козны*: от перс. *kūzīnah* ‘a large hammer or mallet, a bleacher’s beetle’ [Fazl-i-Ali 1885, 456] (= *kūzīnah*) ~ кл. перс. *kudīna* ‘молот валяльщика сукна’, от праиран. корня **kaud-* ‘бить, колотить; толочь’ [ЭСИЯ 2011, Т. 4, 359–360]. По указанию А. В. Дыбо, «персидское слово с *z* объясняется, если это культурное пехлевийское заимствование». Значение молот, колотушка вполне соответствует наименованию кости-биты в игре, а в дальнейшем это наименование, по-видимому, переходит и на сбиваемые костяшки.

В волжском наименовании этой игры обращаем внимание на фонетический переход *л < н*: *козла-модышла* (< *козна*)⁸. Аналогичный переход имеет место и в русских диалектах, где при этом очевидна контаминация с рус. зоонимом *козел*: *козлы́* – игра в бабки (Вятская губ., 1845), *козлók* (Владимирская, Вологодская губ., 1820), *козёл* – игральная кость (Владимирская губ., 1820), *козёл* – бабка-свинчатка (Архангельская губ., 1885) [СРНГ 1978, вып. 14, 58], *козелók* – игральная кость, бабка (Псковская губ., Урал, Средний Урал) [СРНГ 1978, вып. 14, 61], *козлы* – по-видимому, деревянные бабки: «Делали козлы и сокали» <бросали биты для определения того, кто начнет игру в бабки> (Карельская АССР) [СРНГ 2005, вып. 39, 237]. Подобные формы с *-л-* есть в эрзянском – *козласo* ‘в козны’ [Брыжинский 2009, 52], в удмуртском – *козлокен* и *козлокъёс* ‘в козны’ [Долганова, Морозов 2002, 19, 209], в тат. диал. (в говоре заказанских крышен, т. е. проживающих севернее Казани) – *кузла* ‘игра в козны; большая кость (бабка, альчик)’ [БДСТЯ 2009, 334]. В волжском диалекте марийского языка форма *козла*, видимо, восходит именно к тат. диал. *кузла*.

9. Чирака (д. Инерымбал, Отымбал Волжского р-на) – вид городков [Гордеев, 1982, 92; МНИ, № 1386]. Ср. *чõрака* – название своеобразной игры, напоминающей чижа (д. Шорсола или Ружбеляк Куженерского р-на РМЭ):

Тиде модышлан она гыч пел метыр кужытан, лу сантиметр лопкытан кольмо кўлеи. Шудо куидымо верыште пел метр квадратым корыман. Модыш-в. [влак] кок тўшкаш шелалтыт. Шерева почеш иктыже кўтўчõ лиеи, весыже – кўтў. Кўтўчõ-в. кольмо дене пашкарым перат, нуно кўтўшкõ логалыт. Логалше ег пленныйыш савырна. Тыге мучаиш мартен модыт.

‘Для этой игры нужна лопатка из доски длиной полметра, шириной десять сантиметров. На месте, где не растет трава, надо начертить полуметровый квадрат. Играющие делятся на две команды. По жребию одни становятся пастухами, другие – стадом. Пастухи бьют палочку лопаткой, они попадают в стадо. Попавшийся человек превращается в пленного. Так играют до конца’. (Зап. Китиков А.

⁸ В мар. литер. языке слово *козла́* означает «козлы» (передняя часть тарантаса) [СМЯ 1992, Т. 2, 373].

Е. в 1994 г.) [МФЭ-94 № 183, л. 27, № 9]. Вероятно, *чӧрака* здесь – палочка, по которой бьют битой, как в чиже.

Далее уместны сопоставления с татарской лексикой игр с деревяшками: тат. диал. пермское *чӱрәкә* ‘деревянный шар’ [БДСТЯ 2009, 767], тат. заказанское, дубьязское *чӱрәкәй* ‘название игры (чижик); деревянный шар или заостренная палочка, по которой ударяют палкой-битой в этой игре’ [БДСТЯ 2009, 767; ТРС 2002, 398], тат. мамадышское *чурки* и *шурәкә* ‘чурка; катушка, шпулька’ [БДСТЯ 2009, 767, 791], башк. *сүрәкә* ‘чижик’, диал. *сөрәкә* ‘то же’ [Исанбаев 1994, 182]. К тат. *чурәкә* восходит мар. В (калтасинское) *чурика* ‘чижик (детская игра)’ [Исанбаев 1994, 182] и мокшанское *чярәка* ‘городки’ [Бутылов 1998, 184]. Вероятно, и мар. Л волжское *чирака* является заимствованием из татарского (< тат. *чурәкә*). О дальнейшей этимологии татарского слова в связи с русским не исконным *чурка* ‘короткий обрубок дерева’ и чувашским *сурка* ‘осколок, часть (разбитого топором)’ подробнее см. в [Ключева 2021, 208–209; Ключева 2022а, 133–134]. Исходным для целого пласта игровой лексики в языках Урало-Поволжья является, по-видимому, чув. *сурка* (*суркам*, *соркам*) ‘осколок, часть (разбитого топором)’, *сурккам* ‘часть баклуша, разбитого топором’, ‘осколок, полено’ [ЧРС] < чув. *сур* ‘разорвать надвое, разорвать; распороть, разбивать (голову); колоть, раскалывать; рубить; пилить; рвать вдоль и др.’; *сур* (*сураш*) ‘половина’ < ОТю *йа:ры* ‘половина’ (*йа:рты*, *йа:рты*, *йа:рым*), *йа:р-* ‘рассекать’ < ДТю *jarim* ‘половина’, *йар* ‘расщепить, раздвинуть, разбить’, *йарык* ‘щель’, *йарыл* ‘треснуть, расколоться, расщепиться’ [Федотов 1996, вып. 2, 139–140; ЭСТЯ 1989, вып. 4, 146].

10. Мака-мака – наименование водящего в игре в жмурки (д. Мари-Отары Звениговского р-на Марийской АССР): «*Сокры енгым*» *ыштат. Тидлан шотлыммо годым логалшылан шинчажым шовыч дене пидыт. Тудо вес енгым кучаш тӧча. Тыршымыже годым весе-в. [-влак] «сокры енгым» тӱкалтен кертыт. Кӧ тудым перна, тудын кӧ улмыжым пала (тидлан чыгылта, ала вургемже гыч пала), тудо мака-мака лиеш.*

Примечание: *Шымакшан-в. тиде модышым «сокры тага» маныт.*

‘Делают «слепого». Для этого попавшемуся по считалке завязывают глаза платком. Он старается поймать других людей. Во время его попыток другие могут стучать «слепча». Кто его ударит – он узнает, кто это (для этого щечочет или по одежде узнает), тот становится «мака-мака» [новым водящим].

Примечание: Те, что носят *шымакш*⁹, называют эту игру «Слепой баран»’.

(Зап. Китиков А. Е. в 1984 г., инф. Кушакова Анна Ивановна) [МФЭ-84 № 142, л. 37–38, № 16.1; МНИ, № 929].

В первую очередь наименование водящего *мака-мака* сопоставимо с марийским словом *мака* ‘глупый (о маленьких)’ [Васильев 1926, 116], *мака́* ‘немой’ [Веке 2000, Т. IV₅, 1400; СМЯ 1998, Т. 4, 11], ‘тупица, неумеха, не способный ни к чему; немой, косноязычный’ (мар. В балтачевское, калтасинское) < тат. *макау* ‘человек с плохой дикцией, глуповатый человек’ [Исанбаев 1994, 99] < *махау* ‘проказа, больной проказой’ [Ахметьянов 2015, Т. 2, 12, 23]. Тюркские соответствия см. также в [ЭСТЯ 2003, вып. 7, 47–49]. В волжском диалекте марийского языка слово *мака́* (Кукушнур) ~ *мӧка* (Исменцы, Большие Маламасы) имеет также второе значение «бука», так называют фантастическое страшилище, которым пугают детей: *мака́ толéш* (*ия*) ‘придет бука (черт)’. Таким образом, наименование водящего может быть его обзыванием, что типично для игр преследования типа прятки, жмурки, догонялок, ср. в подобных марийских играх наименования игрока *накас* ‘неповоротливый’, *ӧркы́* ‘лентяй’, *мӧчӧр* ‘ряженный; увалень’ и т. п. [Ключева 2022а, 140, 141; Ключева 2022b, 438]. Гетерогенное *мака* в уржумском и йошкар-олинском диалекте означает медведя [Веке 2000, Т. IV₅, 1400] и скорее всего является детским искажением от мар. литер. *маска* ‘медведь’. Там же см. малмыжское *мага* ‘маска (ряженный)’.

С другой стороны, учитывая, что игра в жмурки в большинстве говоров лугового и восточного наречия называется *Сокры тага* ‘Слепой баран’¹⁰, волжское *мака-мака* может быть связано с подра-

⁹ *Шымакшан марий* – этнографическая группа мари, у которых женщины носят головной убор *шымакш*. Это северо-восточные луговые мари (носители морк.-серн. говора) и восточные мари (мар. В). Южные луговые мари (носители волж. говора, часть носителей морк.-серн. говора) и горные мари в этой классификации этнографических групп называются *шарпанан-нашмакан марий* (т. е. те, у которых женский головной убор – комплект из *нашмак* и *шарпан*, аналогичный чувашскому). Третья этнографическая группа мари – *сорокан марий* (те, что носят сороку) – йошкар-олинские мари (носители йошкар-олинского говора мар. Л) и северо-западные (мар. СЗ).

жанием бляению овцы – чув. *ма-ка-ка* [Ашмарин 1999, Т. 8, 151], являясь своего рода заменным словом вместо зоонима *тага* ‘баран’. Т. е., предположительно **мака* ‘«бьяша», барашек»¹¹. И такое слово есть в марийских диалектах, причем именно в игре в жмурки: мар. В малмыжское *сокыр мака дене модына* ‘играем в жмурки’ [Веке 2000, Т. IV₃, 1400; МНИ, № 930]. А в [Васильев 1926, 84; МНИ, № 928] зафиксировано еще одно интересное название игры в жмурки у луговых мари: *Кумага-нака: сокыр-тагала шинчам этырэн кучэн модмаиш* ‘игра в ловлю с закрытыми глазами, как в слепого барана’. Учитывая вышеизложенное, *Кумага-нака* можно перевести как «печной бьяша (барашек)», «печной бука (черт)» или «печной немой». Так именуется водящий в этой игре.

Диалектное мар. *кумага* ‘печь, печной’ (< чув. *кӓмака* ~ мар. литер. *конга*) указывает на волжский говор [Веке 1998, Т. IV₃, 869]¹², а также на семантику игры в жмурки, связанную с огнем, печью. Ср. у коми игра в жмурки называется *горань* ‘стряпуха’ < *гор* ‘каменка (печь), *ань* ‘женщина’ [Лыткин, Гуляев 1970, 78]. В описании марийской игры *Сокыр тага* в [Китиков 1993, 57] также указывается на то, что эта игра происходит в доме около печки и в ней используется печная сажа (тот, кто при жеребьевке вытянет палец, измазанный сажой, становится водящим).

Итак, мы рассмотрели ряд тюркских заимствований в марийской игровой лексике. Как выяснилось, большая часть из них пришли в волжский говор марийского языка из татарского (*капаш*, *паштенге*, *чок*, *кыпчак*, *козла-модышла*, *чирака*; вероятно, и *чонгыр*), часть из чувашского (*потак*, *пакляк*), под вопросом (тат. или звукоподражательное чув.) – слово *мака* (*мака-мака*). В ходе анализа обнаружилось, что аналогичные лексемы – тюркские заимствования – присутствуют и в других финно-угорских языках: удмуртском, мордовских, коми, венгерском, а также в русских диалектах.

Таким образом, тюркское влияние на марийскую игровую культуру и игровую лексику особенно активно в контактных зонах, в частности, в южных районах РМЭ, граничащих с Чувашией и Татарстаном, и волжский – наиболее насыщенный тюркизмами говор лугового наречия. При этом, как видно по представленному в статье материалу, достаточно много соответствий в игровой лексике волжского говора и горного наречия марийского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки

- булг. – болгарский
- венг. – венгерский
- волж. – волжский говор мар. Л
- ДТю – древнетюркский
- кл. перс. – классический персидский
- мар. – марийский язык
- мар. В – восточное наречие марийского языка
- мар. Г – горное наречие марийского языка
- мар. Л – луговое наречие марийского языка
- мар. СЗ – северо-западное наречие марийского языка
- морд. М – мокшанский (мокша-мордовский)
- морд. Э – эрзянский (эрзя-мордовский)
- морк.-серн. – моркинско-сернурский говор мар. Л
- ОТю – общетюркский
- перс. – персидский
- праиран. – праиранский
- рус. – русский язык
- тат. – татарский язык

¹⁰ Аналогичны названия игры в чувашском (*сукӓр така*), татарском (*сукыр тӓкӓ*), башкирском (*һукыр тӓкӓ*) и удмуртском языке (*сукыр така*).

¹¹ Ср. в современной речи мари Волжского р-на (по нашим фиксациям в д. Малые Параты) в разговоре с маленькими детьми и на русском, и на марийском языке корову называют *мӱка* (т. е. тот, кто мычит, говорит «му-у»). Слово *мӱка* ‘корова’ известно и в русских диалектах (Воронежская обл., Пермский край, Урал) [СРНГ 1982, вып. 18, 338].

¹² То же в йошкар-олинском говоре, однако поскольку в описании игры *кумага-нака* аффриката *ч*, а не *ц*, йошкар-олинский диалект здесь исключается.

тюрк. – тюркские
 удм. – удмуртский язык
 ФП – прафинно-пермский
 чув. – чувашский язык

Прочие сокращения

3SG – 3 лицо, единственное число
 3PL – 3 лицо, множественное число
 NPST – непрошедшее время
 анат. – анатомическое
 АССР – Автономная советская социалистическая республика
 г. – год
 г. р. – год рождения
 губ. – губерния
 д. – деревня
 диал. – диалектное
 зап. – записал
 инф. – информант, носитель фольклора
 литер. – литературный
 обл. – область
 праиран. – праиранский
 р-н – район
 рис. – рисунок
 с. – село
 с/п – сельское поселение
 см. – смотрите
 соб. – собиратель
 ср. – сравните
 у. – уезд

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. Москва: Наука, 1981. 144 с.
- Ахметьянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка: В 2 т. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. Т. 1. 543 с.; Т. 2. 576 с.
- Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994–2000 (репринт 1928–1950 г.). Т. 7–8. 1999. 696 с.; Т. 9–10. 1999. 616 с.; Т. 11–12. 2000. 672 с.
- БДСТЯ – Большой диалектологический словарь татарского языка = Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Сост. Ф. С. Баязитова и др. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 839 с.
- Брыжинский В. С.* Мордовские народные игры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. 272 с.
- Бутылов Н. В.* Тюркские заимствования в мордовских языках: дис... канд. филол. наук. Саранск, 1998. 190 с.
- Васильев В. М. (Ўпымарий)* Марий мутэр = Марийский словарь. Моско: СССР калык-влак рӯдӧ савыктыш, 1926 [на обложке – 1928]. 346 с.
- Вершинин В. И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 794 с.
- Гордеев Ф. И.* Слова детской речи как предмет историко-этимологических разысканий // Вопросы марийского языка. Труды МарНИИ Вып. 53. Йошкар-Ола, 1982. С. 81–96.
- Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 243 с.
- Грузов Л. П.* Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 210 с.
- Долганова Л. С., Морозов И. А.* Традиционные игры и развлечения удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. 382 с.
- Иванов И. Г.* Марий диалектологий. Университетсе студент-влаклан тунемме книга = Марийская диалектология. Учебник для студентов университета. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1981. 97 с.

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть вторая. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. 208 с.

Китиков А. Е. Модыш – уш погыш: марий калык модыш-влак = Марийские народные игры. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. 72 с.

Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Издание II, исправленное и дополненное. Москва: Форум; Неолит, 2014. 400 с.

Ключева М. А. Специфическая лексика в марийских играх // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе. Материалы VII научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш». Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 205–211.

Ключева М. А. Чураня (формулы-восклицания) в марийских прятках // Acta Linguistica Petropolitana. 2022a. Vol. 18.2. С. 155–199.

Ключева М. А. Мифологическая и религиозная лексика в марийских народных играх // Вестник угроведения. 2022b. №. 3 (50). С. 436–333.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва: Наука, 1970. 386 с.

Лаврентьев Г. И. Волжский говор марийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1966. 369 с.

МНИ – Марийские народные игры = Марий калык модыш / Автор-сост. М. А. Ключева. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2021. (Серия «Свод марийского фольклора»). Рукопись // Научный рукописный фонд МарНИИЯЛИ. Оп. 3. Д. 449.

Норманская Ю. В., Ключева М. А. Словарь волжского диалекта марийского языка // Платформа ЛингвоДок (ИСП РАН), 2016. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/#/> (Дата обращения: 28.12.2022)

Петухова А. Н. Детский фольклор народа мари. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. 287 с.

Рассыхаев А. Н. Игры с шегами (в бабки) в традиционной культуре коми // Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Вып. 63. Фольклористика коми. Сыктывкар, 2002. С. 91–104.

РУС – Русско-удмуртский словарь. Электронный ресурс <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/> (Дата обращения: 28.12.2022)

Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. 404 с.

СМЯ – Словарь марийского языка = Марий мутер: В 10 т. / Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005. Т. 2. 1992. 464 с.; Т. 4. 1998. 384 с.; Т. 5. 2000. 508 с.; Т. 8. 2003. 511 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. / Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1965. Вып. 2. 1966. 314 с.; Вып. 12. 1977. 368 с.; Вып. 14. 1978. 376 с.; Вып. 18. 1982. 367 с.; Вып. 39. 2005. 342 с.

ТРС – Татарско-русский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. Казань: Татарское кн. изд-во, 2002. 488 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

ЭСИЯ – Этимологический словарь иранских языков / Институт языкознания РАН. М.: Восточная литература РАН, 2000. Т. 4 / Д. И. Эдельман. 2011. 415 с.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: общетюрк. и межтюрк. лекс. основы на буквы... / АН СССР. Институт языкознания. М.: Наука, 1974. Вып. 2. / Э. В. Севортян. М.: Наука, 1978. 349 с.; Вып. 4. / Э. В. Севортян. М.: Наука, 1989. 291 с.; Вып. 5 / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 363 с.; Вып. 7. / Отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература РАН, 2003. 476 с.

Beke Ö. Mari Nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus IV₁₋₉. Savaria, 1997–2000. 3332 s. T. IV₃. 1998. S. 603–968; T. IV₄. 1998. S. 969–1396; T. IV₅. 2000. S. 1397–1746; T. IV₆. 2000. S. 1747–2276; T. IV₉. 2001. S. 3005–3332.

Beke Ö. Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. I. Budapest: Académiai Kiadó, 1957. 692 s.

Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Szeged, 1994. (= Studia Uralo-Altaica, 35.).

Fazl-i-Ali. A dictionary of the Persian and English languages. Byculla: Education Society's Press, 1885. 668 p.

Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Suomalais-ugrilainen seura. Lexica Sodontatis Fenno-Ugricae XXXII. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu 151. Helsinki, 2008. 925 s.

Räsänen M. Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen / Suomalais-ugrilainen Seura. Band XLVIII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1920. XVI + 276 s.

Räsänen M. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen von Marti Räsänen / Suomalais-ugrilainen Seura. Band L. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923. 98 s.

UEW – Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Budapest: Académiai Kiadó, 1988. 905 s.

Поступила в редакцию 28.12.2022

Ключева Мария Аркадьевна,
кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В. М. Васильева
424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН
109004, Россия, г. Москва, ул. А. Солженицына, 25
E-mail: keymachine@yandex.ru

M. A. Klyucheva

**TURKIC BORROWINGS IN THE VOLGA SUBDIALECT OF THE MARI LANGUAGE
(GAME VOCABULARY)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-198-211

The paper discusses Turkic borrowings in the Volga subdialect of the Mari language (Meadow dialect). The thematic group to which our paper is devoted is game vocabulary: words and game terms in Mari folk games (spoken during the game and in narratives about games). The research is based on the material of publications, archival and modern field records. Field studies in recent years have shown that the Volga subdialect contains a specific game vocabulary that is not known in other dialects of the Mari language and missing in the linguistic and ethnographic literature. Also, some lexemes, although they are known in other dialects (not always in game meanings), have a peculiar phonetic characteristics of the Volga subdialect. The purpose of this paper is to present this vocabulary, to introduce it into scientific circulation. The article discusses 10 game lexemes of this kind (in the Volga subdialect): *kapash* ‘to grab’, *potak* ‘game of catch-up’, *pashtenge* ‘game of catch-up’, *chok* ‘exclamation in the game of hide and seek’, *chongyrla* ‘hoop game’, *kypchakla* ‘doll game’, *pakl’ak* ‘game like skittles’, *kozla-modyshla* ‘game of astragalus’, *chiraka* ‘game like skittles’, *maka-maka* ‘blind man’s buff’. Most of them came to the Volga subdialect of the Mari language from Tatar. Thus, the Turkic influence on the Mari game culture and game vocabulary is especially active in the contact zones, in particular, in the southern regions of Mari El Republic bordering Chuvashia and Tatarstan, and the Volga subdialect is the most saturated with Turkisms subdialect of the Meadow Mari. At the same time, there are quite a lot of correspondences in the game vocabulary of the Volga subdialect and the Hill Mari. The analysis revealed that similar lexemes (Turkic borrowings) are also present in other Finno-Ugric languages: Udmurt, Mordovian languages, Komi, Hungarian, as well as in Russian dialects.

Keywords: folk games, game vocabulary, asemantic vocabulary, Mari language, Volga-Kama language union, traditional culture of the Ural-Volga region, borrowings, Finno-Ugric languages, Turkic languages, Volga subdialect of the Mari language, Meadow dialect of the Mari language, Russian dialects

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 198–211. In Russian.

REFERENCES

- Ahmet’yanov R. G.** *Obshchaya leksika duhovnoj kul’tury narodov Srednego Povolzh’ya* [General lexis of the spiritual culture of the peoples of the Middle Volga]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 144 p. In Russian.
- Ahmet’yanov R. G.** *Tatar telenej etimologik syzlege = Etimologicheskij slovar’ tatarskogo yazyka: V 2 t.* [Etymological Dictionary of the Tatar Language: in 2 vol.]. Kazan: Magarif – Vakyt Publ., 2015. Vol. 1. 543 p.; Vol. 2. 576 p. In Tatar.
- Ashmarin N. I.** *Slovar’ chuvashskogo yazyka: V 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language: in 17 vol.]. Cheboksary: Russika Publ., 1994–2000. Vol. 7–8. 1999. 696 p.; Vol. 9–10. 1999. 616 p.; Vol. 11–12. 2000. 672 p. In Russian and Chuvash.
- BDSTYA – *Bol’shoj dialektologicheskij slovar’ tatarskogo yazyka = Tatar telenej zur dialektologik syzlege* [Great dialectological dictionary of the Tatar language] / Comp. F. S. Bayazitova and others. Kazan’: Tatar. kn. izd-vo Publ., 2009. 839 p. In Tatar.
- Bryzhinskij V. S.** *Mordovskie narodnye igry* [Mordovian folk games]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2009. 272 p. In Erzyan and Russian.
- Butylov N. V.** *Tyurkskie zaimstvovaniya v mordovskih yazykah: dis... kand. filol. nauk* [Turkic borrowings in Mordovian languages. Cand. filol. sci. diss.]. Saransk, 1998. 190 p. In Russian.
- Vasil’ev V. M.** (Üpymarij) *Marij muter = Marijskij slovar’* [Mari Dictionary]. Moscow: SSSR kalyk-vlak rydü savyktysh Publ., 1926 [1928]. 346 p. In Mari and Russian.
- Vershinin V. I.** *Slovar’ marijskikh govorov Tatarstana i Udmurtii* [Dictionary of Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia]. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI Publ., 2011. In Russian.

Gordeev F. I. Slova detskoj rechi kak predmet istoriko-etimologicheskikh razyskanij [The words of children's speech as a subject of historical and etymological research]. *Voprosy marijskogo yazyka. Trudy MarNII. Vyp. 53* [Topics in the study of the Mari language. (Transactions of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Iss. 53)]. Yoshkar-Ola, 1982, pp. 81–96. In Russian.

Gruzov L. P. *Fonetika dialektov marijskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii* [Phonetics of dialects of the Mari language in historical education]. Yoshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo Publ., 1965. 243 p. In Russian.

Gruzov L. P. *Istoricheskaya grammatika marijskogo yazyka: Vvedenie i fonetika* [Historical grammar of the Mari language: Introduction and phonetics.]. Yoshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo Publ., 1969. 210 p. In Russian.

Dolganova L. S., Morozov I. A. *Tradicionnye igry i razvlecheniya udmurtov* [Traditional games and entertainment of Udmurts]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2002. 382 p. In Russian and Udmurt.

Ivanov I. G. *Marij dialektologij. Universitetyse student-vlaklan tunemme kniga* (Marijskaya dialektologiya. Uchebnik dlya studentov universiteta) [Mari dialectology. Textbook for university students]. Yoshkar-Ola: Marijskij gos. un-t Publ., 1981. 97 p. In Mari.

Isanbaev N. I. *Marijsko-tyurkskie yazykovye kontakty. Chast' vtoraya. Slovar' tatarskih i bashkirskih zaimstvovaniy* [Mari-Turkic language contacts. Part II. Dictionary of Tatar and Bashkir loanwords]. Yoshkar-Ola: MarNIIYALI Publ., 1994. 208 p. In Russian.

Kitikov A. E. *Modysh – ush pogysh: marij kalyk modysh-vlak = Marijskie narodnye igry* [Mariyskie folk games]. Yoshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo Publ., 1993. 72 p. In Mari.

Klyucheva M. A. *Narodnye podvizhnye detskie igry: sovremennyy fol'klornyj sbornik* [Folk active children's games: Collection of contemporary folklore]. Moscow: Forum; Neolit Publ., 2014. 400 p. In Russian.

Klyucheva M. A. *Specificheskaya leksika v marijskih igrah* [Specific vocabulary in Mari games]. *Etnokul'turnye cennosti v sovremennom informacionnom obshchestve. Materialy VII nauchno-prakticheskoy konferencii "Jyvan Kyrla ludmash"* [Ethnocultural values in the modern information society. Materials of the VII scientific-practical conference "Yivan Kyrla Ludmash"]. Yoshkar-Ola: MarNIIYALI Publ., 2021, pp. 205–211. In Russian.

Klyucheva M. A. *Churaniya (formuly-vosklicaniya) v marijskih pryatkah* [Exclamation formulas in children's games of hide-and-peek in Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2022. Vol. 18.2. P. 155–199. In Russian.

Klyucheva M. A. *Mifologicheskaya i religioznaya leksika v marijskih narodnyh igrah* [Vocabulary of mythology and religion in Mari folk games]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no 3 (50), pp. 436–333. In Russian.

Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkij etimologicheskij slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. In Russian.

Lavrent'ev G. I. *Volzhskij govor marijskogo yazyka*. Diss. ... kand. filol. Nauk [Volga dialect of the Mari language. Cand. filol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 1966. 369 p. In Russian.

MNI – Marijskie narodnye igry = Marij kalyk modysh [Mari folk games]. Comp. and ed. by M. A. Klyucheva. Yoshkar-Ola, MarNIIYALI, 2016–2021. (Seriya «Svod marijskogo fol'klora»). Rukopis' // Nauchnyj rukopisnyj fond MarNIIYALI, op. 3, d. 449. In Mari and Russian.

Normanskaya Yu. V., Klyucheva M. A. *Slovar' volzhskogo dialekta marijskogo yazyka* [Dictionary of the Volga dialect of the Mari language]. Platforma LingvoDoc (ISP RAS), 2016. In Russian. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>

Petuhova A. N. *Detskij fol'klor naroda mari* [Children's folklore of the Mari people]. Yoshkar-Ola: MarNII Publ., 2004. 287 p. In Russian and Mari.

Rassyhaev A. N. *Igry s shegami (v babki) v tradicijnoj kul'ture komi* [Games with sheg (babki) in traditional Komi culture]. *Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya RAN. Vyp. 63. Fol'kloristika komi* [Studies of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Iss. 63. Folklore Komi]. Syktyvkar, 2002, pp. 91–104. In Russian.

RUS – Russko-udmurtskij slovar': elektronnyj resurs [Russian-Udmurt dictionary. Electronic resource]. In Russian. URL: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/>

Savatkova A. A. *Slovar' gornomarijskogo yazyka* [Dictionary of the Hill Mari language]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 2008. 404 p. In Russian.

SMYA – Slovar' marijskogo yazyka: V 10 t = Marij muter [Dictionary of the Mari language: in 10 t.] / Ed. by I. S. Galkin. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1990–2005. T. 2. 1992. 464 p.; T. 4. 1998. 384 p.; T. 5. 2000. 508 p.; T. 8. 2003. 511 p. In Russian.

SRNG – *Slovar' russkih narodnyh govorov.* / Ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov. Leningrad: Nauka Publ., 1965–. Vol. 2. 1966. 314 p.; Vol. 12. 1977. 368 p.; Vol. 14. 1978. 376 p.; Vol. 18. 1982. 367 p.; Vol. 39. 2005. 342 p. In Russian.

TRS – *Tatarsko-russkij slovar'* / Ed. by F. A. Ganieva. Kazan: Tatarskoe kn. izd-vo Publ., 2002. 488 p. In Russian.

Fedotov M. R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka: V 2 t.* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language: In 2 vol.]. Cheboksary: Chuvash. gos. in-t gumanitar. Nauk Publ., 1996. T. 1. 470 p.; T. 2. 509 p. In Russian.

ESIYA – *Etimologicheskij slovar' iranskih yazykov.* Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2000–. T. 4. / D. I. Edel'man. 2011. 415 p. In Russian.

ESTYA – *Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974–. Vol. 2. / E. V. Sevortyan. Moscow: Nauka Publ., 1978. 349 p.; Vol. 4. / E. V. Sevortyan. Moscow: Nauka Publ., 1989. 291 p.; Vol. 5 / Ed. by G. F. Blagova. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. 363 p.; Vol. 7. / Ed. by A. V. Dybo. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 2003. 476 p. In Russian.

Beke Ö. *Mari Nyelvjárás szótár* (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus IV₁₋₉. Savaria, 1997–2000. 3332 s. T. IV₃. 1998. S. 603–968; T. IV₄. 1998. S. 969–1396; T. IV₅. 2000. S. 1397–1746; T. IV₆. 2000. S. 1747–2276; T. IV₉. 2001. S. 3005–3332. In Mari, Hungarian and German.

Beke Ö. *Mari szövegek* (Tscheremissische texte). K. I. Budapest: Académiai Kiadó, 1957. 692 s. In Mari, Hungarian and German.

Bereczki G. *Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I.* Szeged, 1994. (= Studia Uralo-Altaica, 35.). In German

Fazl-i-Ali. A dictionary of the Persian and English languages. Byculla: Education Society's Press, 1885. 668 p.

Moisio A., Saarinen S. *Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen.* Suomalais-ugrilainen seura. Lexica Sodontatis Fenno-Ugricae XXXII. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 151. Helsinki 2008. 925 s. In Mari and German.

Räsänen M. *Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen / Suomalais-ugrilainen Seura.* Band XLVIII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1920. XVI + 276 s. In Mari and German.

Räsänen M. *Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen von Marti Räsänen / Suomalais-ugrilainen Seura.* Band L. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923. 98 s. In Mari and German.

UEW – **Redei K.** *Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I.* Budapest: Académiai Kiadó, 1988. 905 s. In German.

Received 28.12.2022

Klyucheva Maria Arkadyevna,

Candidate of Art History, Senior Researcher,

Mari Research Institute of Language, Literature and History

named after V.M. Vasilyev,

44, Krasnoarmeiskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russia

E-mail: keymachine@yandex.ru